

ЛЮДИ НАШЕГО РАЙОНА

ЭТО ПОКАЯНИЕ ДУШИ

Сегодня исполняется 65 лет Дмитрию Петровичу Клёсову – члену Союза писателей Кузбасса, автору трех поэтических книг

«Каждый пишет, как он слышит»

Дмитрий Петрович Клёсов до сих пор, звоня, например, в школу, чтобы уточнить все моменты встречи со своими слушателями – школьниками, не знает, как представиться. Ну, не может он сказать, что звонит вам поэт Клёсов, неудобно ему самому себя называть поэтом, считает он это нескромным, вычурным. Эта ипостась – быть на Земле поэтом – по мнению Дмитрия Петровича, настолько высока, что самому причислять себя к этой когорте просто недопустимо, и во все времена так было. Пусть тебя люди так назовут, если решат, что ты этого заслужил.

Недавно прочитала где-то о том, что чувство страха сильнее, чем любовь, во всех ее проявлениях. Но люди пишут о любви, а страх редко становится темой поэтических размышлений. Дмитрий Петрович смеется: «Да, это так, но я влюблялся чаще, чем боялся». И хотя не раз, работая на шахте, испытывал это чувство на себе – когда мокрые, довольно реденькие волосы поднимают тяжелую, с фонарем, шахтерскую каску над головой, и всю душу застилает ужас – эти чувства так и не отложились на бумаге так, как доподлинно чувствовал это автор. А для него это очень важно – писать правдиво, писать «свое».

Казалось бы, за много веков все писано-переписано, все темы так или иначе раскрыты поэтами. Но откуда тогда берутся все новые и новые стихи? А отсюда, что все они – практически о себе. То же чувство, но прошедшее через призму внутреннего мира поэта, отличается от уже сказанного и написанного, потому что прошло через его душевное состояние, внутренний мир, мировоззрение. Стихи, если это действительно стихи, всегда откровенны, по ним можно смело судить о человеке. «Это огромная ответственность, когда ты выдаешь их на суд читателей. Это покаяние души – чистосердечнее, чем перед священником», – говорит Дмитрий Петрович.

Есть проступающая иногда резкость, неординарность образов, когда стихотворение до самого конца держит тебя «в напряжении» и не преподносит мысли на «блюде» с золотой каемочкой, но в финале стихов Дмитрия Петровича, как правило, звучит милосердие, внимание к малейшим проявлениям человеческой души и любовь ко всему окружающему. Он опять уточняет мои предположения: «Сказать, что я люблю людей – это как-то чопорно, штамповано. Я стараюсь любить их. Стараюсь в каждом увидеть доброе начало, потому что уверен, что в каждом человеке больше доброго начала, чем плохого».

Вспомните стихотворение «Нищий». Это не выдумка, не

дань моде. Этого человека Дмитрий Петрович знал, когда жил в Салаире. И тут видит его, собирающего медные копейки, опустившегося. Он признается, что не знал, признает ли его бывший знакомец, да и самому нехота было останавливаться. Но остановился. Просто подал руку. Потому что этот опустившийся бомж – тоже человек.

Какое это имеет отношение к поэзии? Самое прямое. Черствый, заскорузлый, спрятавшийся в свою оболочку человек не подаст руки не то что бомжу, но и «ненужному» знакомому, потому что им руководят другие мотивы.

Дмитрий Петрович вспомнил Н. Заболоцкого, который говорил, что поэзия держится на трех китах: образ, мысль и чувство. Обостренная чувственность – это, видимо, дар божий, мысль – и дар божий, и многотрудная работа, образ – способность увидеть необычное в обычном, свести его с реалиями жизни так, чтобы никто не засомневался, что так не бывает, а только удивился: «Ну, надо же, а я и не замечал...»

В качестве примера он приводит известное есенинское «Выткался на озере...», и продолжает: «Какое наслаждение...» Одно слово – выткался – это уже такой яркий образ, что не прочувствовать его нельзя. Или другое, Константина Ваншенкина:

*Так и хочется вытереть ноги,
Перед тем, как войти
в этот лес.*

И сколько бы потом «поэтессы» не раздевали или одевали березку, сколько бы не славословили ее ствол и крону, страдали по срываемым ветром листикам – это очень далеко от истинной поэзии, пример которой дал Ваншенкин. Такой образ, что мороз по коже...

В стихах Дмитрия Клёсова чувствуется притяжение души, земли, добра, в нем самом – глубоко пережитые земные чувства, большой опыт жизни и огромная ответственность перед читателем.

Дорога к храму поэзии

Дмитрий стихи писать начал рано – как водится, первые попытки были в детстве, отрочестве. Потом была служба в армии, где он под заказ писал для ребят стихотворные послания их девушкам. Писал и другие стихи – для себя, которые охотно публиковала дивизионная многотиражка под рубрикой «Творчество воина-бойца». Потому он и рискнул послать свои стихи в «толстый» журнал «Нева». Ответ получил от ... Всеволода Рождественского, поэта мировой величины. Причем написан ответ был от руки, самим Рождественским, содержал добрые пожелания, отмечал удачные строки, образы и слова и пожелания творить именно с исполь-

зованием этих пожеланий. Но стихотворения не были опубликованы. Это обескураживало, потому что «творчество воина-поэта» уже избаловало! Понимание же значимости того, что стихи «воина-поэта» оценивал такой человек, пришло уже позже.

Потом Дмитрий Петрович оказался в Кузбассе, беловская газета «Знамя коммунизма» охотно публиковала его стихи.

Их было много – к моменту открытия «Литсалона» при библиотеке ГМЗ в 1977 году уже набралась целая рукопись. Почему же первая книга появилась только в 2002 году?

Появилось понимание, что не хватает граммоты. Вторая попытка обратиться в журнал «Нева» была безуспешной – ответила, видимо, секретарь, дежурной отпиской. Спился с земляком Михаилом Небогатовым. Тот когда отвечал письмам, когда разбирал «по точкам» стихи в рубрике «Новые имена» в газете «Комсомолец Кузбасса».

А рукопись лежала еще 10 лет – до обсуждения ее на семинаре Союза писателей Кузбасса. В 1987 году, на закате советской власти, был последний семинар. Из больше чем десятка участников Дмитрий Петрович выступил последним. Все устали, заканчивался второй день. А порядок был такой – предоставлял три экземпляра рукописи по 40 стихов, две рас-

таскивают участники, среди которых именитые и не очень, по одной читаешь.

Выходит автор – и попадает под обстрел, даже со свистом провозжат, кричат: «Хватит!» И тут В. Махалов говорит: «Подождите, у меня еще одна рукопись есть». Дмитрий Петрович вспоминает: «Мне слово дают, прочитал «Свежинину», и сразу настроение переменялось, – мол, кончай, мужик, травить, мы и так жрать хотим. Чувствуется, что сказано не грубо, а больше заинтересованно. А потом слышу – прочитай одно, прочитай другое. Кому-то одностихотворение понравилось, кому-то другое. И я почувствовал, что есть контакт, чувство, известное артистам, – что тебя не засмеют, не замарают. Начинают понимать. Я уже начал читать с вдохновением. Там еще биография нужна была – я написал ее с юмором, несколько опозитивировал. Закончил стихи читать, а тут В. Махалов говорит: «Я вам еще прочитаю стихи в прозе», – и зачитал эту мою биографию!»

После семинара они дали в областном альманахе подборку моих стихов – 3 штуки. А потом как-то все прервалось, и я понимаю, что по моей вине... Может, надо было почаще приезжать напоминать о себе, но я так не могу...»

Получив сверхдобрые отзывы о своей рукописи в публикации в областном альманахе, Дмитрий Петрович вернулся домой, про-

должал писать, уверенный в том, что признание его все равно найдет – его оценили корифеи кузбасской поэзии! Но не так все было просто. И дело не в деньгах или еще каких-то проблемах – просто Дмитрий Петрович решил, что над рукописью надо работать и работать. До первой книги оставалось еще, как выяснилось, 8 лет.

...Отвлекусь немного от творчества Д. Клёсова, потому что в редакцию идут потоком такие «стихи», что автору трудно объяснить, почему мы их не будем печатать: пренебрежение к русскому языку, отсутствие рифмы, ритма, а главное – мысли, образа. Их не убеждают мои доказательства того, что это стихи «для домашнего чтения» и в газету они не годятся: мы же, мол, от души писали! Сегодня Дмитрий Петрович говорит, что над каждым, даже давно написанным стихотворением, он работает и работает. Почему же наши авторы-однорядки или даже те, кто свою книгу за собственный счет издали, не хотят этого делать?

Потом библиотека ГДК стала собирать стихи местных поэтов для издания городского сборника. Дмитрий Петрович отдал свои стихи, потом рукопись ушла в Союз писателей. А тут В. Махалов возмутился: ну куда пропал так понравившийся автор? Надо было чаще наезжать, чаще заявлять о себе, добиваться, стучаться...

Собрал рукопись, посидели над ней с Виктором Коврижных, увез, а когда приехал в следующий раз, в Союзе писателей уже жали руку, хлопали по плечу и поздравляли с изданием книги. Такое отношение – знак признания. Нет в тебе искры божьей – можешь ходить, обивать пороги, тебе будут что-то советовать, даже слукавят, но, в общем-то, просто не будут замечать.

Это было в 2002 году, через год вышла вторая книга, еще через два – третья.

Кто самый главный критик у поэта?

Дмитрий Петрович вспоминает свою первую рукопись: «Сейчас читаю ее и понимаю – там не на чем остановиться. Но она – как дневник, читаешь и вспоминаешь свое тогдашнее состояние души, внутреннего мира, о чем думал, что волновало, когда писал. Пожалуй, главная ценность – возможность оттолкнуться от воспоминаний. Не в событиях и фактах, а в чувствах, вспоминая то время».

Дмитрий Петрович сейчас пишет очень много. Но, как он сам говорит, главный критик его стихов – он сам. Главные помощники – словари, потому что к слову он относится трепетно, уважительно. Много читает, особенно классику. И стихи свои оттачивает уже на профессиональном уровне. Не жалеючи, меняет риф-

му, ритм – лишь бы стихотворение заиграло мыслью, затронуло души. Он рассказал мне притчу о поэте, который посвящал свои стихи всем женщинам, но они не нравились ни жене, ни другим женщинам. А когда он написал стихотворение, посвященное жене, оно понравилось и ей, и всем другим женщинам. И дополнил уже фактом своей биографии: в прошлом году на открытии кабинета сибирских писателей в школе №15, прочитав несколько стихов, он услышал просьбу В.Я. Гречишкиной: «Дмитрий Петрович, а можно мое любимое, хоть вы его и своей Люде посвятили...»

Профессионализм, повышенная требовательность к своему творчеству, стремление написать так, «чтобы не стыдно было», тормозят пока выход следующей книги. Дмитрий Петрович собрал рукопись, с тем же Виктором Коврижных «обкатали» ее, повез в Союз писателей. Там она попала к Валерию Зубареву – поэту маститому, но они с Дмитрием Петровичем, как он говорит, «разнополюсные». Из 60 стихов тот не споткнулся только на половине. Дмитрий Петрович привез рукопись домой и сейчас работает над ней. Некоторые стихи поправил, согласившись с Зубаревым, некоторые еще лежат и ждут своего часа.

Когда он придет – неизвестно, потому что без озарения, без нового взгляда на уже написанную вещь ничего не получится. Дмитрий Петрович прочитал мне стихотворение, у которого долго не получался финал: бродило что-то в голове, но душу не трогало. Но в конце концов стихотворение все же состоялось, и благодаря новой концовке приобрело другой смысл.

*Ни конца, ни начала,
ни смысла
У житейской таежной тропы.
Изогнулась ольха
коромыслом,
И вершиною – ниже травы.
Оробела в тишишем
поклоне
За какую греховную спесь?
Оглашенная птица трезвонит.
Неужели печальная весть?
Прогони я досужие мысли,
На судьбину роптать
нет резона,
Изогнула меня коромыслом
К миру божьему
с вечным поклоном.*

Он считает себя счастливым человеком. Может, кто-то бы маялся, что начал издавать книги не в 45 лет, когда такая возможность уже была, а лишь после 60-ти. Но он никогда не рвался к славе: значит, такова его судьба, таковы ступеньки, по которым надо прошагать. Главное то, что все, что он задумывает, всегда сбывается. Это счастье для тех, кто труд любит, ценит и уважает – нелегкое, но от этого полное и всеобъемлющее счастье.

Татьяна КОПЫТОВА